

<p style="text-align: center; font-size: small;">ISSN 0869-1908</p> <p style="text-align: center; font-size: 2em; font-weight: bold; margin: 0;">ВОСТОК ОРИЕНС</p>  <p style="text-align: right; font-weight: bold; font-size: 1.5em;">3</p> <p style="text-align: right; font-size: small;">2020</p>	<p>Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. 2013-2021</p> <p>ISSN 0869--1908</p> <p>URL - http://vostokoriens.jes.su</p> <p>All right reserved</p> <p>Issue 3 Volume . 2020</p>
--	---

[Review of:] Chvyr' L.A. Essays on cultural synthesis in Turkestan (1st–2nd millennium AD). Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2018. 240 p. ISBN 978-5-4469-1544-6

Tatyana Emelyanenko
Russian Museum of Ethnography
Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract

Keywords list (en):

Date of publication: 22.06.2020

Citation link:

Emelyanenko T. [Review of:] Chvyr' L.A. Essays on cultural synthesis in Turkestan (1st–2nd millennium AD). Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2018. 240 p. ISBN 978-5-4469-1544-6 // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. – 2020. – Issue 3 С. 219-221 [Electronic resource]. URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080009888-3-1/> (circulation date: 25.09.2021). DOI: 10.31857/S086919080009888-3

1 В последние десятилетия в отечественной этнографии публикации, посвященные народам Средней Азии, появляются крайне редко. Особенно это касается их традиционно-бытовой культуры, изучению которой в советское время уделялось значительное внимание. Вместе с тем, современные процессы, происходящие в различных сферах повседневности среднеазиатских народов, также представляют этнографический интерес, и часто только обращение к накопленным знаниям позволяет заметить и оценить характер тех изменений, которые определяют ее сегодня.

2 Книга Л.А. Чвырь, посвященная феномену культурного синтеза, сложившегося у оседлого населения Туркестана – таджиков и узбеков Средней Азии и уйгуров Синьцзяна, может рассматриваться как одна из таких «отправных точек»: в ней максимально сконцентрированы сведения из этнографической литературы и приведены исчерпывающие библиографические данные по рассматриваемым темам. При этом разные аспекты и формы культурного синтеза, которые выделяет автор в различных явлениях традиционной культуры, анализируются им в региональном контексте, с учетом межкультурных контактов, определенных и временем, и социально-политическими условиями, исторически складывавшимися в Средней Азии. Такой подход, по замечанию автора, способствующий «более глубокой и разносторонней оценке каждого эпизода контактов» (с. 3), применен в книге к исследованию двух, на первый взгляд, далеких друг от друга областей культуры – традиционной обрядности и народного искусства, но самых знаковых для этнокультурной идентичности, причем не только в прошлом, но и, как показывают современные реалии, в настоящее время.

3 В первом разделе книги – «Межрелигиозные разновидности культурного синтеза», наиболее значительном по объему, автор анализирует с привлечением обширного круга археологических и этнографических источников и собственных полевых материалов, собранных за многие годы экспедиционной работы в Средней Азии, наиболее важные и общие для народов региона обрядовые комплексы – свадебные, похоронно-поминальные, относящиеся к детской обрядности, женскому обычаю почитания Биби-Сешанбе и функционированию мужских клубов (*ган*, *машраб*), к культу святых в исламе и традициям среднеазиатского шаманства, с академической скрупулезностью выявляя и «расшифровывая» в них признаки и специфику сосуществования мусульманских и немусульманских/домусульманских компонентов – культура предков, шаманизма, «осколков» зороастризма и др. Автор приходит к выводу, что в истории среднеазиатского ислама действовали два процесса – «омусульманивание» «архаических» (по происхождению) обрядов «множеством мелких знаков и символов принадлежности к исламу» и ««архаизация» некоторых собственно мусульманских обрядов» путем включения в них «мелких реликтов более ранних верований». Все они осмысливались «как истинная норма, а всякие мелкие обыкновения, предрассудки, суеверия воспринимались не как противоположности, а исключительно как дополнения или уточнения этой мусульманской нормы» (с. 141). Это являлось характерной особенностью среднеазиатского ислама, и Л.А. Чвырь отмечает, что хотя «сейчас этнографы все чаще сталкиваются с модернизацией и самих обрядов, и их интерпретаций», «традиционные смыслы нередко сохраняются уже в несколько завуалированной, «овеществленной» или «действенной» форме самого обряда» (с. 69–70).

4 Однако, как показывает современное развитие ислама в Средней Азии, изменения в обрядовой сфере могут получить более кардинальный характер. Во время экспедиции в Узбекистан в июне 2019 г. мне довелось столкнуться с тем, что все, что не имеет отношения к ортодоксальному исламу, все его «архаические» компоненты, которые раньше составляли специфику местного ислама, начали решительно «изживаться». Курс на «просвещенный ислам», принятый еще при президенте И. Каримове с целью предотвратить распространение религиозного экстремизма, предполагает, в частности, что проповедниками и служителями ислама должны быть исключительно люди, получившие специальное духовное образование, а не любой, кто знаком с догматами, литературой и практикой ислама в результате «самообразования» или через наставника, как было традиционно для Средней Азии, и может «по-своему» их трактовать. Пройти обучение и получить лицензию должны не только муллы или имамы, но и *отун* – женщины, руководящие проведением такого старинного, уходящего корнями вглубь веков женского обряда, как Биби-Сешанбе («Госпожа Вторник»), который описывает Л.А. Чвырь, хотя раньше это право зачастую передавалось по наследству. По новым правилам из ритуалов Биби-Сешанбе должны быть исключены немусульманские элементы, например, обязательное в прошлом возжигание свечей. В Байсуне информанты рассказывали, что не делают этого два последних года, «так как это почитание огня, а этого нет в Коране» – так объясняют им служители ислама. Вообще идет наступление на *зардушти* – ритуалы, связанные с огнем, как наследие зороастризма. В ансамбле некрополя Чор-Бакр

(XVI в.) около Бухары, например, заложили кирпичами *чирог хона* («место для светильника»), где женщины ставили *нукча* – масляные светильники и восковые свечи с пожеланием зачать ребенка. Постепенно из свадебной обрядности выходит архаический ритуал с костром, который было принято разводиться перед домом невесты или жениха. В Шахрисябсе, Бухаре свадебные костры еще сохраняются, но когда я спрашивала о них в Сурхандарьинской области и в кишлаках Кашкадарьинской области, мне говорили: «Да вы что, это нельзя!». Отказываются от факелов, которые было принято нести перед свадебной процессией (Бухара). Официального запрета нет, но примечательно, что представители духовенства разьясняют ритуалы с огнем как следствие отсутствия в прошлом других источников освещения помещений и улиц, исключая тем самым возможность существования на протяжении многих веков в исламской среднеазиатской обрядности доисламских элементов. Как рассказывают, некоторые стали отказываться от сорокадневных поминок (*чилля, чиль*), особенно молодежь, считая, что достаточно отметить лишь 3-й день, как полагается по шариату. Традициям *чилля* – сакрального сорокадневья в среднеазиатской поминальной, свадебной, детской обрядности в книге Л.А. Чвырь посвящена отдельная глава, и вот теперь они уходят из обрядовой практики, поскольку противоречат «правильному» исламу. Поэтому материалы и выводы, приведенные в первом разделе рецензируемой книги, представляют не только академический интерес, но и позволяют реалистично оценить характер современных этнокультурных процессов, происходящих, в частности, в Узбекистане.

5 Во втором разделе книги – «Народное искусство Туркестана в свете проблемы культурного синтеза» – автор размышляет (он сам определяет так «жанр» своего исследования, хотя основывается на многочисленных научных публикациях и своих полевых материалах) над тем, что представляло в прошлом и представляет сегодня народное искусство, как «уживаются» и «синтезируются» в нем традиции и инновации, чем народное декоративно-прикладное искусство отличается от *самодеятельного* и *профессионального* и что такое *массовое искусство* и каково его влияние на современную культуру. При этом феномен и эволюция народного искусства рассматриваются не только на туркестанском материале, но в более широком теоретическом плане, актуальном для анализа состояния и развития народного искусства у разных народов и в разных странах. Это, в частности, продемонстрировал Первый Международный фестиваль народно-прикладного искусства, прошедший в сентябре 2019 г. в Коканде, и научная конференция, организованная в рамках фестиваля. Уже сам факт того, что Узбекистан инициировал такой проект, в котором приняло участие почти 200 мастеров со всего мира, и в дальнейшем фестиваль планируется проводить раз в два года, свидетельствует, какое значение на государственном уровне в республике придается народному творчеству. На конференции специалисты из разных стран обсуждали на примерах из своей практики (исследовательской, музейной, ремесленных организаций и пр.), по существу, те проблемы, которые рассматривает в своей книге Чвырь, – о подлинно народном и псевдо народном декоративно-прикладном искусстве и их различии. Вместе с тем, предметы, представленные на выставке-ярмарке, работавшей в дни фестиваля, свидетельствовали, что у самих мастеров отсутствует понимание того, в каком «жанре» они работают. Здесь можно было увидеть типичную сувенирную продукцию, зачастую не связанную ни с одним из видов традиционного ремесла той страны, из которой они были привезены, работы фабрично-заводского производства (например, ф-ки «Гжель»), дизайнерские работы, не имеющие никакой этнической специфики, и изделия, которые по основным признакам, которые приводит Чвырь (форма, декор, материал, технология), могли быть отнесены к произведениям действительно традиционного декоративно-прикладного искусства или сохраняющим его компоненты (с. 195); познакомиться с образцами и народного, и самодеятельного, и профессионального, и массового искусства. Возможно, организаторы умышленно собрали в одном проекте столь разных мастеров, или это было сделано непроизвольно, но в любом случае продемонстрировало весь спектр направлений, по которым развивается сегодня декоративно-прикладное искусство. Для Средней Азии поднятые Чвырь вопросы особенно важны и своевременны, так как в последние полтора – два десятилетия здесь происходит небывалый подъем народных промыслов и ремесел, прежде всего в Узбекистане, где ремесленничество получило государственную поддержку (отменены налоги, предоставляются участки земли для строительства мастерских и кредиты

под минимальные проценты). Поэтому аргументированные «размышления» о народном искусстве, предложенные в рецензируемой книге, представляют интерес не только для его исследователей, но и для тех, кто непосредственно в него вовлечен.

[Рец. на:] Чвырь Л.А. Очерки культурного синтеза в Туркестане (I–II тыс. н.э.). М.; СПб.: Издательство Нестор-История, 2018. 240 с. ISBN 978-5-4469-1544-6

Емельяненко Татьяна Григорьевна
Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 22.06.2020

Ссылка для цитирования:

Емельяненко Т. Г. [Рец. на:] Чвырь Л.А. Очерки культурного синтеза в Туркестане (I–II тыс. н.э.). М.; СПб.: Издательство Нестор-История, 2018. 240 с. ISBN 978-5-4469-1544-6 // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2020. – Выпуск 3 С. 219-221 [Электронный ресурс]. URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080009888-3-1/> (дата обращения: 25.09.2021). DOI: 10.31857/S086919080009888-3